

Мила Ба-Юда

г. Кемерово

Да, родной! Слушаю...

Когда он её потерял, он совсем «потерялся» сам; приезжал каждое утро к нам, к единственным близким ему родственникам. Все последние годы –¹ и когда они были ещё вдвоём, и когда она тяжело болела и угасала, – мы дружили семьями, помогали друг другу, да и, что скрывать, были по духу просто близки.

Мои родители и их дети были-жили в других, далёких от нас городах, мы как-то невольно сплотились, сроднились, много времени проводили вместе, и работая, и отдыхая. А тут беда! Жестокая, безоговорочная. Это мы потом уже узнали, что они вдвоём тайком съездили самостоятельно из малюсенького районного городка в столичный, в известную клинику и уточнили диагноз: им бесцеремонно, в глаза назвали диагноз (это вам не «мурлындия» какая-то, а областная клиника) и объяснили двум пожилым людям, что отсрочить неминуемый страшный конец может только операция. А когда они от операции отказались, к ним вообще потеряли интерес, и они возвратились к себе притихшие и озадаченные.

Она никогда не скрывала, что его не любила, а его никто на эту тему и не спраши-

вал. Поженились они, вернее, поженили их родственники – познакомили, свели сразу после войны – она вдовствовала с тремя дочерьми, он же горемычил один, вовсе никогда не будучи женатым. Обоим было тяжело, годы уходили, вот и поженились, так что про какую тут любовь речь?! А потом свыклись, притерпелись, да и зажили мирно, добротнo, уважительно, а потом и мальчонку себе нажили, ну чем не семья! – в ладу да в сытости.

Заправляла всем она, но как-то так умно, незаметно, необидно. Бывало, только глянет молча, – а сама маленькая, сухонькая, гладкопричёсанная, – он всё сразу и поймёт и как надо сделает, несмотря на то, что городской; но, по правде сказать, случались у него и промахи иногда – так она никогда и вида не подаст, даром что деревенская. Отведёт его в таком случае куда-то от чужих глаз подальше и о чём-то с ним переговорит, и всё у них правильно и сделается. А чтоб принародно друг друга укорить, так это ни-ни! Так и жили, а другие им завидовали! А тут беда эта треклятая...

Мы-то, молодые, может быть, и дальше ни о чём не догадывались бы, только попросили они у нас помощи (предварительно получив от нас обещание держать всё в секрете, даже от детей). Стали мы их по всяким бабкам да знахаркам возить (к врачам они не соглашались), а когда всё оказалось тщетно, стали с уверенной мудростью житейской конца ждать. Как он за ней ухаживал! Маленький, сухонький, вставал раненько – и её обиходит: и умоет, и причешет, и поднимет, и повернёт, и всё, что надо, смажет. А когда она совсем уж занемогла и лежала, так он её и с ложечки кормит. Только не ела она ничего – не могла, так он ей – бульончику (да всё просит её да уговаривает, чтоб съела). Ещё и дела хозяйские как-то успевал справлять. Конечно, мы навещали, помогали, но без него... Что там стоили наши усилия?

Однажды она попросила оставить меня и её – нас двоих – наедине; все послушно вышли, и она стала давать последние наставления и распоряжения (во что её одеть,

кому и как сообщить и как его потом одного беречь!). От всего этого происходящего, от этого разговора мне казалось, что сейчас возьмёт и разорвётся моё сердце, и кончилось всё это тем, что не я её, а она меня утешала и успокаивала.

Я всегда преклонялась перед малыми детьми и пожилыми (их роднила физическая немощь, чистая лукавая светлость и какая-то потайная мудрость и искренность), но предположить такой силы духа я не могла.

А в последние дни, когда она постоянно мёрзла, и её лихорадило, он не только летом жарко топил в доме печь, но и ложился к ней и днём и согревал её, постоянно разговаривал и старался ни на секунду не оставить одну. Она так и умерла в его объятиях...

Он целый год убивался. Нет, не ездил к ней на кладбище, нет! Он приезжал к нам, как в былые, те давние дни, когда всё было ещё хорошо и благополучно, и не знал, куда себя деть, чем заняться. Порой забывался, начинал вспоминать былое – то, давнее, хорошее: как начинали жить; а то рыдал, и я не находила слов для утешения.

Однажды я нечаянно рассказала ему про её наставления его беречь.

Он как-то насторожился, оживился и стал всё у меня выпрашивать до самой последней мелочи. А потом у нас так и повелось: он всё выпросит, как она велела делать, да так и сделает. И стала у него помаленьку-помаленьку налаживаться новая жизнь без неё; так она, невидимая, его оберегала и направляла. А пережил он её всего лишь на год.

Вчера я звонила своей знакомой, чтобы поздравить её с семидесятилетием, а она, предполагая, что звоню не я, а её муж, ответила:

– Да, родной, слушаю.

Это была тоже забота, тоже Великая любовь для двоих, которая не нуждается в рассказывании, она просто есть. Пронести её через всю жизнь удаётся не всем, лишь только тем, кто в шаркающем, поседевшем, брюзжащем видит, как и прежде, дорогого, родного, единственного, а значит, оберегает и хранит на все времена.

Подружка Манюшка

С подружкой Манюшкой мы полюбили друг друга с первого взгляда. У нас много общего. Ей три года, мне шестьдесят три, я скучала по любимой внучке, она – по любимой бабушке, ну и, конечно, суп. Да, да, именно, щавелевый суп: я его прекрасно готовила, а она терпеть не могла любой суп. Мы-то с ней и познакомились на почве супа: в миг, когда она окончательно измотала родную бабушку своим «не хочу», «не буду», я вынесла как раз на травку студить кастрюльку с супом.

К нашей общей радости, Манюшка воздала должное супу, доедая тарелку, уточнила моё имя: «Тиновна». Я не возражала, пусть будет Тиновна (производное от Константиновна), я же называла её Манюшкой, так, как она и представилась, и не больно-то вдавалась в филологические корни.

Одним словом, любовь возникла, и, казалось, на всю жизнь. Манюшка, завидев меня на даче, бежала мне навстречу, раскинув руки, и кричала, как индеец из племени Южной Америки – так же восторженно и также громко: «Тиновна! Тиновна!» Я подхватывала её, кружила, Манюшка дрыгала ногами и смеялась. Ничего большего я себе не позволяла, никогда! Я бы первая возмутилась, если бы узнала, что какая-то чужая тётка целует мою внучку. Я свято уважаю родительские чувства.

Кстати, я познакомилась и с родителями – крепкая, дружная, богатая семья, имеющая троих детей. Остальные ребяташки, старше Манюшки, опекали её и нередко «зависали» у нас на даче в полном составе, такие же, как Манюшка, улыбчивые и приветливые.

Время шло, я незаметно старела, Манюшка заметно подрастала, и через пару лет уже без «покровителей» добиралась до нашей дачи и качалась на воротах. Она давно уже говорила без больших ошибок, но навеличивали мы друг друга, как и прежде, по старинке: Тиновна – Манюшка. Столо-

ввалась она всё реже и реже – стесняться начала! Но иногда всё-таки воздавала должное дачному супу.

Часто Манюшка наблюдала мои работы по огороду, по дому и заваливала своими «как?» и «почему?», «зачем?».

А однажды поставила в тупик:

– Где ваш квадроцикл? Вы его продали?

– Да нет, мы его ещё не покупали, – запнулась я.

Откуда было Манюшке знать, что на мою учительскую пенсию с трудом «наскребли» внукам на велосипед и самокат.

Квадроцикл в семье Манюшки был. Этого не могли не знать все, и мы тоже: папа Манюшки и ребяташки «рассекали» на нём по узким улочкам дачного посёлка с оглушительным грохотом и тучами пыли, пугая собак, кошек и прочую живность. В голосе ребёнка были недоумение и мольба, и я поняла всё (сорок лет учительства, знаете ли!), поняла, что прохожу сейчас экзамен на благосостояние, а с бедными ей водиться, похоже, не разрешали:

– Мы тоже подумываем купить... для внука, его родители, вернее, хотят.

Наши домашние диву давались, слыша эти мои «планы».

– Будете покупать?! – просияла Манюшка.

Ей важно было одно – мы богаты! А кто и где, для кого покупать – детали, мелочь, не стоящая внимания.

После этого разговора я старалась не искушать Манюшку своими кулинарными изысками в виде пирогов со щавелем или супа с лебедой и крапивой.

Неумолимое время не делало меня краше, а Манюшка расцвела: тоненькая, пластичная и для двенадцати лет такая высокая! Она выгодно отличалась в стайке девчушек, приглашённых к ней на день рождения. Девчушки ухоженные, нарядные, с бесчисленным числом телефонов, собачек, облачённых тоже в платья и бантики. Нарядная хозяйка-именинница принимала гостей, и тут я – в рабочей одежде, с лопатой и вёдрами пробиралась по узенькой тропочке между гостевыми машинами.

Как же ей было узнать меня, как же ей было признать перед всеми, что мы знакомы. Она старательно отводила глаза...

Мы любили друг друга.

Я ей упростила задачу (ведь именно я, взрослый человек, виновата, что поднесло меня так некстати именно в этот праздничный день).

– У, какие красавицы, – похвалила я, – без очков ничего не вижу, подскажите номер дома.

Девчушки-милашки оживились, всё мне сказали.

Я шла к себе и чувствовала, как вёдра тяжелели и как нестерпимо горели усталые, натруженные руки...

Бабкины дети

В данной книге автор поднимает две «больных» проблемы современного общества: социальное сиротство и судьбы детей-инвалидов

Кол-во страниц: 108

Формат: 140*180

Обложка и переплет:
твёрдый

Купить книгу по ссылке:

<http://planeta-knig.ru/shop/791/desc/babkiny-deti>